

ПЕРЕКРЕСТНАЯ ИСТОРИЯ «СЛАВЯНСКОЙ ВЗАИМНОСТИ»

Обсуждение феномена «славянской взаимности» не имеет однозначных и устойчивых параметров. Какая-то часть исследователей склонна локализовать его собственно рамками литературы или (максимально) «культуры» в узком значении этого слова, другие — допускают гораздо более широкую его трактовку как идеологической концептуализации, связанной с проблемами формирования наций в пространстве этносов с неполной социальной структурой, лишенных «своего» государства¹. Но и выбор в пользу этой расширенной трактовки не снимает вопроса о новых инструментах анализа, позволяющих избежать упрощений и самореференций теоретического или идеологического рода.

Настоящая статья является продолжением разговора, начатого автором выступлением на конференции «Всемирная история и новые вызовы исторической науки: национальные, транснациональные и интернациональные подходы» 29–30 сентября 2016 г.² В нем, в частности, обсуждалась неправомерность трактовки «славянской взаимности» как трансфера германского историзма, начиная с И. Г. Гердера, который симпатизировал угнетенным народам, к каковым относил и славян, при всем при том, что его авторитет был так важен для Я. Коллара, его предшественников и последователей³. В этой связи

¹ См., например: Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. – 1849 г. / Отв. ред. В. И. Фрейдзон. М., 1980. С. 319–352. — Попытку терминологической интеграции «славянской взаимности» со смежными понятиями («славянская идея», панславизм) см.: Павленко О. В. Панславизм // Славяноведение. 1998. № 6. С. 43–61.

² Белов М. В. «Славянская взаимность»: Трансфер и переизобретение // Всемирная история и новые вызовы исторической науки: Национальные, транснациональные и интернациональные подходы / Отв. ред. М. А. Липкин. М., 2016. С. 11–15.

³ Концепция «славянского характера», предложенная Гердером, базировалась, кроме прочего, на трудах деятелей национально-просветительского этапа «чешского возрождения». В свою очередь, они, как и другие историки, трудами которых он пользовался, опирались на сочинения предшествовавших веков: Гердер И. Г. Идеи к философии истории челове-

в том же выступлении указывалось на недостатки модели «культурного трансфера» как узконаправленной, *скрыто* иерархичной и ограниченной двумя или тремя культурными локусами. Настоящая статья, в свою очередь, сосредоточена на возможности преодоления этих недостатков.

По свидетельству хорошо информированной Е. Е. Дмитриевой (она была, в частности, соредактором одного из основоположников метода М. Эспаня в коллективном труде «Тройственный культурный трансфер. Франция — Германия — Россия» (1996)), «...для самих создателей данной теории принципиально важным является соотнесенность слова *transfert* с представлением именно о финансовых потоках, перемещениях населения, а также с одним из понятий психоанализа, поскольку *культурный трансфер* вмещает в себя — помимо сферы собственно интеллектуальной — жизнь экономическую, демографическую, психическую»⁴. Впрочем, техницистские коннотации еще не отменяют возможности трансфера, цитируя высказывание Дж. Скотт по другому поводу, как «полезной категории исторического анализа».

В момент своей манифестации М. Эспанем и М. Вернером культурный трансфер противостоял сложившейся во Франции квазипозитивистской литературной компаративистике: смещал акцент с «произведения», его рецепции (адаптации) как «готовых» артефактов на процессуальные механизмы и трудности перевода. Более того, предполагалось отказаться от иерархичности и принудительности в пользу менее структурированной и разнонаправленной культурной диффузии. При этом сосредоточенность на ее социальных агентах соответствовала ожиданиям микроанализа увидеть великое в малом. Однако по мере расширения принимаемого во внимание контекста проблематизировались не только национальные (государственные, региональные) границы, но и само содержание культуры (культурного). Обзоры филологов учитывают это расширение, но в то же время по дисциплинарной привычке локализуют предмет культурного трансфера областями (около)литературного или художественного творчества⁵.

Между тем, применение парадигмы культурного трансфера вышло далеко за рамки литературы и искусства, философии и науки, бытовых и образовательных практик. Беспрецедентный по масштабу заимствований / адаптаций и хорошо изученный период

ства / Отв. ред. А. В. Гулыга. М., 1977. С. 471, 673–674. Примеч. 27. О влиянии барочной традиции на труды чешских историков, которых упомянул Гердер, см.: *Мыльников А. С.* Эпоха Просвещения в Чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура. М., 1977. С. 191–192.

⁴ *Дмитриева Е. Е.* Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: Опозиция или преемственность? // Вопросы литературы. 2011. № 4 (URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/4/dm16.html>). — В начале статьи Дмитриева признает «модный» и «сленговый» статус термина в российской академической среде, а во второй ее части, после изложения основных вех развития метода, показывает трудности его адаптации на местной почве. Правда, она ограничивается в основном указаниями на инерционные эффекты и разность дисциплинарного бэкграунда во Франции и России.

⁵ Показательно в этом отношении заключение в целом содержательного обзора: *Лобачева Д. В.* Культурный трансфер: Определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 8. С. 23–27.

петровских реформ в России свидетельствует о связанности внедрения новых культурных образцов, часто насильственного, с широким трансфером практик государственного управления, организации армии (флота), технологий и инженерных решений⁶. Но это вовсе не единственный случай. Парадигма перекрестной истории («histoire croisée»; ей близки, но от нее могут отличаться другие определения: пересекающаяся, переплетенная, связанная истории) предполагает многомерное, разноуровневое, мультирубрикатное толкование, как и более ранний и, возможно, менее совершенный анналовский идеал «тотальной» или «глобальной» истории⁷. Трансфер имперского опыта⁸ (равно как и опыта радикальных активистов, например, глядя на противоположный фланг политического поля) был частью исторических потоков Нового времени.

Ключевая для парадигмы трансфера метафора пространства также неоднозначна и изменчива. Эмпирическое пространство естественной географии сжимается по мере развития средств коммуникации. Государственные границы, даже в условиях жестоких политических репрессий, цензуры и других средств общественного контроля, оказываются неспособны поддерживать абсолютную замкнутость. Совершенно очевидно, что размещение экономических, военных, интеллектуальных и иных ресурсов не однородно, а опознаваемые по их конstellации «социальные поля» (согласно тому же Бурдьё) не всегда совпадают с партикулярными «ментальными картами». В этих диспропорциях и несовпадениях обнаруживаются линии напряжения. Призыв М. Эспаня к преодолению культурных иерархий и легитимизируемого ими доминирования не может заслонить конкуренцию и конфликт, в том числе, на культурном поле, хотя, конечно, это не единственный способ взаимодействия.

Некоторые другие исследователи, напротив, акцентировали внимание на этих аспектах с опорой на мир-системную модель Броделя–Валлерстайна⁹. Нечто похожее

⁶ Различение «цивилизации» и «культуры», заимствованное у П. Штомпки, для обоснования концепции «вестернизации» см.: *Алексеева Е. В., Редин Д. А., Рей М.-П.* «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода // *Вопросы истории.* 2016. № 6. С. 3–20.

⁷ *Werner M., Zimmermann B.* Beyond Comparison: Histoire croisée and the Challenge of Reflexivity // *History and Theory.* 2006. Vol. 45. P. 30–50; *Ионов И. Н.* *Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание.* М., 2015. С. 12, 306–320.

⁸ «Когда мы говорим, что заимствоваться могут знания и институты, мы подчеркиваем, что трансферы охватывают очень широкое поле. Понятие “знание” используется здесь в самом широком смысле. Это и фактическая информация, технологии, концепции и идеи, относящиеся к самым разным сферам жизни, способы управления и властвования. Понятие “институты” относится к институтам как таковым, то есть моделям административных учреждений, но также к образованию, технологии, организации военных, религиозных, политических и других групп, к инфраструктуре», — говорится в предисловии редакторов: *Impregium inter pares. Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сб. ст. / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер.* М., 2010. С. 9.

⁹ *Казанова П.* *Мировая республика литературы.* М., 2003 [1999]; *Моретти Ф.* *Дальнее чтение.* М., 2016 [2013]. — Последний сборник включил в себя работы, написанные между 1994 и 2011 г. Автор сочленяет в своей концепции мир-системную модель с идеей «аллопатрического видообразования», заимствованной из неодарвинизма Э. Мейера (в результате «европейская литература» предстала в виде архипелага

можно обнаружить и в лотмановской «семиосфере». Но при всех оговорках о сложной динамике семиотического пространства, Ю. М. Лотман не устоял перед соблазном нарисовать физикалистскую схему, которая, конечно, не является универсальной¹⁰.

Модель И. Валлерстайна, благодаря включению среднего элемента структуры (полу-периферии), представляется более продуктивной. Более того, следует предположить, что внутри каждой из трех зон могут существовать свои «ядра» и (полу)периферии. Согласно выводам П. Казановы, на этапе языкового (культурного) строительства наций, в условиях внешнего доминирования, литература серьезно зависит от политических амбиций, но затем она становится все более автономной и интернациональной (гетевская *Weltliteratur*), сохраняя принцип своеобразия как конкурентное преимущество отдельных авторов или их групп¹¹. В свою очередь Моретти, отвечая оппонентам, признает, что неравенство литературной системы «...не совпадает с неравенством экономическим и позволяет некоторую мобильность — но мобильность, являющуюся внутренней по отношению к неравной системе, а не альтернативной ей»¹².

Ограничиваясь только литературой, Моретти подчеркивал, что «...движения с одной периферии на другую (не через центр) практически не происходит...», однако тут же оговаривался: «Я имею в виду движение между периферийными культурами, не принадлежащими к одному “региону”... Подсистемы, обладающие гомогенностью благодаря языку, религии или политике... являются широким полем для компаративных исследований и могут сделать общую картину более сложной...»¹³

Сложность усиливается, если принять во внимание, что «славизм» в Российской империи медленно отвердевал, превращаясь в важный культурный тренд (и политическую программу). А сам этот процесс, имея, конечно, свою внутреннюю логику, тем не

связанных и постоянно мутирующих национальных традиций). Однако сам автор признает противоречия между двумя теориями.

¹⁰ «...Относительная инертность той или иной структуры выводится из состояния покоя потоком текстов... Следует этап пассивного насыщения. Усваивается язык, адаптируются тексты. При этом генератор текстов, как правило, находится в ядерной структуре семиосферы, а получатель — на периферии. Когда насыщение достигает определенного порога, приводятся в движение внутренние механизмы текстопорождения принимающей структуры. Из пассивного состояния она переходит в состояние возбуждения и сама начинает бурно выделять новые тексты, бомбардируя ими другие структуры, в том числе, и своего “возбудителя”. Процесс этот можно описать как смену центра и периферии. При этом... система, пришедшая в состояние активности, выделяет энергии гораздо больше, чем ее возбудитель, и распространяет свое воздействие на значительно более обширный регион. Из этого вытекает прогрессирующий универсализм культурных систем» (*Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1999 [1990]. С. 195*).

¹¹ О соотношении поэтики («литературной взаимности») и политики («панславизма») в этих идеологических приключениях см. подробнее: *Белов М. В. «Молодые славянофилы» на пути к «славянскому братству»: Балканские путешествия 1840-х гг. // Славяноведение. 2017. № 2. С. 96–100.*

¹² *Моретти Ф. Дальнее чтение. С. 168.*

¹³ *Моретти Ф. Дальнее чтение. С. 163–164. Примеч. 7.*

менее, протекал под влиянием культурных периферий славянского ареала, порой более удаленных от европейского «ядра», по сравнению с российской элитой.

Впрочем, освоение исторического единства «славянского племени», подчиненное той или иной идеологической прагматике, взаимно стимулировалось разными авторами уже в XVII–XVIII вв. «Историографические идеи и представления о “пользе” истории для развития общества, об истории как “учительнице жизни”, о происхождении славянских народов из единого “корня”, об их древней славе, о победах над Римом и Грецией, об их славной старинной книжности, о великолепии их языка и многие другие последовательно перемещались из одной национальной историографии в другую, но нигде не закреплялись по преимуществу и никогда не свидетельствовали об исключительном воздействии какой-либо одной национальной историографии на другие»¹⁴. При этом по инерции «авторитарности» средневековой традиции, «заимствованные мнения или даже прямые цитатные ссылки свободно варьировались историографами при довольно частой опоре на имена предшественников, у которых, однако, эти мнения или цитаты имели несколько иной, а иногда и прямо противоположный смысл»¹⁵.

Более того, по наблюдениям А. Н. Робинсона, первоначально усваивались более архаичные образцы, но затем использовавшая их историография, быстро развиваясь, могла и превзойти свою предшественницу. В условиях ускоренного ознакомления с культурными достижениями иных народов разностадиальные элементы исторического сознания и литературного оснащения (от архаики и богословия до Просвещения и преромантизма) вступали в причудливые комбинации. «Весь этот конгломерат разнообразных по своему происхождению и значению явлений был прочно связан национально-патриотической концепцией историографов и подчинен стоявшей перед ними задаче морально-политического воспитания общественного сознания формирующихся славянских наций»¹⁶.

Робинсон, конечно, имел в виду объективность этих задач в условиях формационного перехода от феодализма к капитализму. Соответственно, объективируется и процесс «национального возрождения» (взамен формирования наций, для которого, конечно, были необходимы материальные и социальные ресурсы), а сами нации в духе воззрений их «будителей» эссенциализируются. Идеологическая прагматика и вытекающее из нее авторское позиционирование деятелей «славянского возрождения», а равным образом их убежденное мифотворчество получают в результате этого историческое оправдание. Типологическое единство донаучной славистики и выявленный в ней

¹⁴ Робинсон А. Н. Историография славянского возрождения и Паисий Хилендарский. Вопросы литературно-исторической типологии. (V международный съезд славистов (София, сентябрь 1963): Доклады советской делегации). М., 1963. С. 134–135. — Впрочем, воздействие примера растущей Российской империи, ее историографической продукции (а также переводов) на труды южнославянских авторов Йована Раича и Паисия Хилендарского в 60-е гг. XVIII столетия продемонстрировано в ходе авторского анализа. Следуя за ним, можно констатировать значительное влияние польского сарматизма на русско-украинское историописание в более ранний период. Его следы опосредованно читаются и в трудах М. В. Ломоносова.

¹⁵ Робинсон А. Н. Историография славянского возрождения... С. 136.

¹⁶ Робинсон А. Н. Историография славянского возрождения... С. 139.

интенсивный идейный обмен не подлежат сомнениям. Однако, возможно, они также являются следствием поиска идеологических аргументов в условиях ограниченных внутренних ресурсов, тогда как наставнические претензии ранних «будителей» были обращены к аудитории, которую еще предстояло создать¹⁷.

Удивительным образом некоторые «прозрения» этих авторов были обретенны вновь спустя многие десятилетия в иных условиях и, скорее всего, вне *прямой* зависимости от них¹⁸. В свое время сербский архимандрит Й. Раич, повествуя о нравах и обычаях древних славян, сделал вывод об их особой, «природной» предрасположенности к христианской вере (по-видимому, в ее православном изводе) еще в языческие времена; разумеется, с тех пор, по мнению историка, склонности славян и, в частности, сербов ничуть не изменились¹⁹. Спустя без малого столетие, ту же самую догму повторил славянофил К. С. Аксаков применительно к русскому народу²⁰.

Разумеется, такое утверждение было подготовлено доминировавшими в первой половине XIX в. представлениями о «славянском характере». Гердеровская идеализация славян, продиктованная его концепцией гуманности в противовес германской воинственности, имела подоплеку в виде гамановского пиетизма. Однако христианские идеалы добра и справедливости со временем приобретали в философствовании Гердера надконфессиональную и даже, скорее, секулярную форму, сближаясь с (пост)просветительскими, либеральными надеждами на умиротворение человечества. Противопоставление мирных славян завоевателям-германцам в ожидании скорого утверждения гуманности и триумфа побежденных, по понятным причинам, было воспринято славянскими «будителями» Австрийской империи как находка (они не могли выступать с позиции силы²¹) и стало важным элементом доктрины «взаимности».

Фигура Гердера, в этом смысле, подтверждает предположение М. Эспана о значимости авторитетного посредника — третьего элемента в трансфере из одной культуры в

¹⁷ Типологический подход неизбежно нивелирует условия создания и бытования исторических трудов, хотя А. Н. Робинсон подчеркивает их актуальную функцию, зависимую от тех или иных социально-экономических и политико-идеологических реалий. Побочным следствием такой установки стало негативное отношение автора к определению какой-то части рассматриваемых трудов как специфически «барочного славизма», поскольку общая типология представлена у него в более длительной исторической перспективе.

¹⁸ Для В. Матулы влияние «барочного славизма» на взгляды Я. Коллара и П. Й. Шафарика, тем не менее, несомненно: *Матула В.* Концепция славянского единства и славянской взаимности в словацком национально-освободительном движении // Балканские исследования. Вып. 16. Российское общество и зарубежные славяне. XVIII – начало XX века / Отв. ред. Л. П. Лаптева. М., 1992. С. 14–15.

¹⁹ Подробнее см.: *Белов М. В.* У истоков сербской национальной идеологии: Механизмы формирования и специфика развития (конец XVIII – середина 30-х гг. XIX века). СПб., 2007. С. 108–135.

²⁰ *Аксаков К. С.* О русской истории // Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1889. С. 25–32.

²¹ В ином случае такая сила виделась в России: *Матула В.* «Славянство и мир будущего» Людевита Штура (Новые результаты исследований о возникновении, судьбе и оценке трактата) // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004. С. 177–200.

другую. Следует напомнить, что исторические построения Гердера косвенно зависели от продукции барочного и национально-просветительского «славизма», и равным образом он и последовавшая за ним генерация «будителей» осуществили трансфер в европейское знание (мировую славистику) этой старой традиции. Обновлению ее мифологии, в свою очередь, способствовала романтическая волна. Однако реставрация сопровождалась ревизией. В суждениях Раича квазихристианские добродетели древних славян (сербов) чудесным образом сочетались с их воинскими доблестями. В свою очередь, выстраивая националистическую доктрину, Аксаков сделал особую предрасположенность христианству (православию) особенностью предков русского народа, обособляя его тем самым от прочих славян²².

Мультипликация организационного опыта «будителей» с его адаптацией к местным потребностям прослеживается на примере создания так называемых «матиц»²³. Первая из них была создана в Пеште (1826) небольшой группой сербских патриотов, а подтолкнула их вполне локальная задача — финансирование только что начавшего издаваться журнала «Летопис». Правда, функции организации в программном документе («Основа») уже понимались расширительно, но они полностью совпадали с позицией редактора журнала Г. Магарашевича. Сербская матица, позднее перебравшаяся в Нови Сад и действующая там поныне, стала образцом для создания подобных учреждений, издающих и распространяющих книжную продукцию, в других славянских землях. Второй по счету стала Чешская матица (1831), и это притом, что здесь уже существовало несколько институций национальной пропаганды. Поэтому она не претендовала на монопольное или лидирующее положение. Однако, как и в сербском пространстве, новая организация призвана была решить вопросы финансирования научно-просветительских проектов. За сербской и чешской последовало создание хорватской, серболу-

²² Ср. более осторожные слова П. Й. Шафарика (1825/26), опиравшегося на проповедь Я. Коллара (1822), о подмеченном иностранцами «благочестии» славян-язычников и их «привязанности к религии»: *Собестианский И. М.* Учения о национальных особенностях характера и юридического быта у древних славян. Историко-критическое исследование. Харьков, 1892. С. 41, 225–226. — Применительно к России гердеровская традиция в толковании «славянского характера» подробно прослеживается: *Лескинен М. В.* Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М., 2016. С. 337–452. — О значимых отклонениях от этой традиции см.: *Белов М. В.* «Славянский характер»: Русские публицисты, литературные критики и путешественники первой половины XIX века в поисках «народности» // Диалог со временем. 2012. № 39. С. 124–147.

²³ См.: *Славянские матицы XIX века: В 2 ч.* / Отв. ред. И. И. Лещиловская. М., 1996. — Метафора улья (матица — пчелиная матка (серб.)) как символ образованной нации восходит к сочинению Й. Раича. В предисловии «Истории» он сравнивал себя с пчелой, поскольку, «насобирав сок различных цветов исторических, ко всеобщей пользе отечества своего служащих, в книгу здес[ь] предлагаемую, яко во улей совокупил и слил». Образность Раича могла иметь и простонародную, и богословскую подоснову — широко распространенный как духовное чтение православных верующих сборник изречений так и назывался — «Пчела». В свою очередь ученый подвиг Раича стал образцом для сербских патриотов, включая редактора журнала «Летопис» и создателей Матицы: *Белов М. В.* У истоков... С. 115, 459. — Ср.: *Мыльников А. С.* Народы Центральной Европы. Формирование национального самосознания XVIII–XIX веков. СПб., 1997. С. 104–105.

жицкой, галицкой и других славянских матиц; организационный контекст такого рода повторений в каждом случае различался. Поэтому, когда Коллар в 1836 г. формулировал предложения по созданию инфраструктуры «литературной взаимности» (книгообменные центры, библиотеки, кафедры славянских наречий и т. д.)²⁴, он отталкивался от уже существующей, хотя и фрагментированной, практики.

Траектория продвижения «славянской идеи» и ее институциональной поддержки в Российской империи была, разумеется, совершенно иной. Вместе с тем, хорошо известна значимость контактов первого поколения российских университетских славистов и некоторых общественных деятелей со славянскими «будителями» и идеологами «взаимности»²⁵. Любопытно другое: интимизации «славянского братства» — первоначально, в узком круге посвященных — способствовали не только официальные ученые путешествия (И. И. Срезневского, П. И. Прейса, О. М. Бодянского, позднее В. И. Григоровича). Возможно, еще более значимыми стали частные поездки так называемых «молодых славянофилов»²⁶ и их общение с рядовыми активистами национальных движений Австрийской империи из новой возрастной когорты, а также посещение балканских земель Османской империи — прежде всего, Сербии и Черногории. Балканская архаика, вкупе с православным исповеданием, оказывалась созвучной «открытию крестьянства», начавшемуся в то же время в самой Российской империи. Позднее она и стала адаптационным мостом в конструировании расширенной идентичности русского национализма. Вопреки сказанному, как известно, его идеологи были высокообразованными и по-европейски мыслящими людьми. Этот парадокс разрешается, пользуясь выражением Дж. Хатчинсона, в процессе «замещения мифов»²⁷, поскольку современность переживалась «будителями» и теми же славянофилами как превращенное продолжение архаики, а национальная и наднациональная (славянская) общности ощущались как квазиродственные образования.

Данные о статье

Автор: Белов, Михаил Валерьевич — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Новой и новейшей истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, belov_mihail@mail.ru

Заголовок: Перекрестная история «славянской взаимности»

Резюме: Модель культурного трансфера, пришедшая из сравнительного литературоведения, применяется теперь к широкому кругу заимствований (адаптаций) институтов, идей и практик. Иными словами, само распространение нового термина в духе стоящей за ним теории следует рассматривать как результат межотраслевого и транснационального трансфера. Закономерно, что его пропагандисты отмечают трудности адаптации заимствования в российской научной традиции, а миграция термина за пределы литературоведения привела к разночтениям. Теоретические основания модели трансфера различаются по уровню признаваемой конфликтности и иерархичности культурного пространства, а также его зависимости от экономического (политического) доминирования. Различия выявляются в сравнении культурного трансфера со смежными теоретическими построениями (Ю. М. Лотмана,

²⁴ Коллар Я. О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими // Отечественные записки. 1840. Т. VIII. Отд. II. С. 92.

²⁵ См., например: Досталь М. Ю. Ян Коллар и ранние славянофилы (40–50-е гг. XIX в.) // Ян Коллар — поэт, патриот, гуманист. К 200-летию со дня рождения. М., 1993. С. 98–110; Рокина Г. В. Ян Коллар и Россия. Йошкар-Ола, 1998.

²⁶ См. подробнее: Белов М. В. «Молодые славянофилы»... С. 96–112.

²⁷ Hutchinson J. Nations as the Zones of Conflict. London, 2005. P. 71.

П. Казановы, Ф. Моретти). «Славянская взаимность» в свете такой парадигмы может рассматриваться как результат разнонаправленного трансфера (где наиболее значимым адаптором стал И. Г. Гердер) или ряда *перезобретений*. Такое усложненное понимание динамики множественных процессов в большей степени соответствует «*histoire croisée*» (переплетенной, пересекающейся, связанной истории). Во второй части статьи с опорой на давнее компаративное исследование А. Н. Робинсона и поправками в ее методологию продемонстрированы вероятные источники славянской характерологии Гердера. Они обнаруживаются в славянском историописании позднего Возрождения, барокко и раннего Просвещения, где уже существовал интенсивный обмен. Институциональные инициативы колларовской «литературной взаимности», как показано в статье, также опирались на уже имевшийся, быстро распространявшийся и мутировавший опыт.

Ключевые слова: «славянская взаимность», культурный трансфер, перекрестная история, И. Г. Гердер, формирование славянских наций

Литература, использованная в статье

Аксаков, Константин Сергеевич. О русской истории // Полное собрание сочинений. Т. 1. Москва: Университетская типография, 1889. С. 25–32.

Алексеева, Елена Вениаминовна; Редин, Дмитрий Алексеевич; Рей, Мари-Пьер. «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 3–20.

Белов, Михаил Валерьевич. У истоков сербской национальной идеологии: Механизмы формирования и специфика развития (конец XVIII – середина 30-х гг. XIX века). Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. 544 с.

Белов, Михаил Валерьевич. «Славянский характер»: Русские публицисты, литературные критики и путешественники первой половины XIX века в поисках «народности» // Диалог со временем. 2012. № 39. С. 124–147.

Белов, Михаил Валерьевич. «Славянская взаимность»: Трансфер и перезобретение // Всемирная история и новые вызовы исторической науки: Национальные, транснациональные и интернациональные подходы / Отв. ред. М. А. Липкин. Москва: ИВИ РАН, 2016. С. 11–15.

Белов, Михаил Валерьевич. «Молодые славянофилы» на пути к «славянскому братству»: Балканские путешествия 1840-х гг. // Славяноведение. 2017. № 2. С. 96–112.

Гердер, Иоганн Готфрид. Идеи к философии истории человечества / Отв. ред. А. В. Гулыга. Москва: Наука, 1977. 703 с.

Дмитриева, Елена Евгеньевна. Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: Опозиция или преемственность? // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 302–313 (URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/4/dm16.html>).

Досталь, Марина Юрьевна. Ян Коллар и ранние славянофилы (40–50-е гг. XIX в.) // Ян Коллар — поэт, патриот, гуманист. К 200-летию со дня рождения. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993. С. 98–110.

Ионов, Игорь Николаевич. Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание. Москва: Аквилон, 2015. 464 с.

Казанова, Паскаль. Мировая республика литературы. Москва: Издательство им. Сабашниковых, 2003 [1999]. 416 с.

Коллар, Ян. О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими // Отечественные записки. 1840. Т. VIII. Отд. II. С. 1–24, 65–94.

Лескинен, Мария Войттовна. Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. Москва: Индрик, 2016. 680 с.

Лобачева, Дина Викторовна. Культурный трансфер: Определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 8. С. 23–27.

Лотман, Юрий Михайлович. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. Москва: Языки русской культуры, 1999 [1990]. 464 с.

Матула, Владимир. Концепция славянского единства и славянской взаимности в словацком национально-освободительном движении // Балканские исследования. Вып. 16. Российское общество и зарубежные славяне. XVIII – начало XX века / Отв. ред. Л. П. Лаптева. Москва: Институт славяноведения и балканистики, 1992. С. 13–24.

Матула, Владимир. «Славянство и мир будущего» Людевита Штура (Новые результаты исследований о возникновении, судьбе и оценке трактата) // Профессор Сергей Александрович Никитин и его

историческая школа. Материалы международной научной конференции. Москва: Археодоксия, 2004. С. 177–200.

Моретти, Франко. Дальнее чтение. Москва: Издательство Института Гайдара, 2016 [2013]. 352 с.

Мьльников, Александр Сергеевич. Эпоха Просвещения в Чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура. Москва: Наука, 1977. 200 с.

Мьльников, Александр Сергеевич. Народы Центральной Европы. Формирование национального самосознания XVIII–XIX веков. Санкт-Петербург: Петрополис, 1997. 176 с.

Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. – 1849 г. / Отв. ред. В. И. Фрейдзон. Москва: Наука, 1980. 610 с.

Павленко, Ольга Владимировна. Панславизм // Славяноведение. 1998. № 6. С. 43–61.

Робинсон, Андрей Николаевич. Историография славянского возрождения и Паисий Хилендарский. Вопросы литературно-исторической типологии. (V международный съезд славистов (София, сентябрь 1963): Доклады советской делегации). Москва: Издательство Академии наук СССР, 1963. 143 с.

Рокина, Галина Викторовна. Ян Коллар и Россия. Йошкар-Ола: МГПИ, 1998. 206 с.

Славянские матицы XIX века: В 2 ч. / Отв. ред. И. И. Лещиловская. Москва: Институт славяноведения и балканистики, 1996. Ч. 1. 234 с.; Ч. 2. 197 с.

Собестянский, Иван Михайлович. Учения о национальных особенностях характера и юридического быта у древних славян. Историко-критическое исследование. Харьков: Типография А. Н. Гусева, 1892. 336 с.

Imperium inter pares. Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сб. ст. / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.

Hutchinson, John. Nations as the Zones of Conflict. London: SAGE Publ., 2005. 224 p.

Werner, Michael; Zimmermann, Bénédicte. Beyond Comparison: Histoire croisée and the Challenge of Reflexivity // History and Theory. 2006. Vol. 45. P. 30–50.

Information about the article

Author: Belov, Mikhail Valer'evich — Doctor in History, the Head of the Chair of Modern and Contemporary History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, belov_mihail@mail.ru

Title: Histoire croisée of «Slavic reciprocity»

Summary: The model of cultural transfer, which came from comparative literary studies, is now applied to a wide range of borrowings (adaptations) of institutions, ideas and practices. In other words, the dissemination of the new term in the spirit of the theory which explains it should be seen as the result of intersectoral and transnational transfer. In addition, its propagandists note the difficulties in adapting of the borrowing in the Russian scientific tradition. The migration of the term beyond literary criticism led to different interpretations. The theoretical grounds of the transfer model differ in terms of the recognized conflict and hierarchy of the cultural space, as well as its dependence on economic (political) dominance. Differences are revealed in comparing the cultural transfer with adjacent theoretical constructions (the ideas of Y. M. Lotman, P. Casanova, F. Moretti). «Slavic reciprocity» in the light of such a paradigm can be viewed as a result of a multidirectional transfer (and I. G. Herder became the most significant adapter) or a number of re-inventions. This complicated understanding of the dynamics of multiple processes corresponds more closely to the «histoire croisée» (intertwined, intersecting, related history). In the second part of the article the author, relying on A. N. Robinson's comparative study and some amendments to its methodology, demonstrates the probable sources of the Herder's Slavic characterology. They are found in the Slavic historiography of the late Renaissance, Baroque and early Enlightenment, when there already was an intensive interchange. As shown in the article, institutional initiatives of Kollar's «literary reciprocity» also relied on that available, rapidly spreading and mutated experience.

Keywords: «Slavic reciprocity», cultural transfer, histoire croisée, I. G. Herder, the formation of the Slavic nations

References

Aksakov, Konstantin Sergeevich. O russkoy istorii [About Russian history], in *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete set of works]. Vol. 1. Moscow: University Print., 1889. P. 25–32 (in Russian).

Alekseeva, Elena Veniaminovna; Redin, Dmitriy Alekseevich; Rey, Mari-Per. «Evropeizatsiya», «vesternizatsiya» i mekhanizmy adaptatsii zapadnykh novovvedeniy v Rossii imperskogo perioda [«Europeaniza-

- tion», «westernization» and mechanisms of adaptation of western innovations in Russia during the imperial period], in *Voprosy istorii*. 2016. № 6. P. 3–20 (in Russian).
- Belov, Mikhail Valeryevich. *U istokov serbskoy natsional'noy ideologii: Mekhanizmy formirovaniya i spetsifika razvitiya (konets XVIII – seredina 30-kh gg. XIX veka)* [At the origins of the Serb national ideology: Mechanisms of formation and specificity of development (the end of the 18th – mid-30s of the 19th century)]. St. Petersburg: Aletheia Publ., 2007. 544 p. (in Russian).
- Belov, Mikhail Valeryevich. «Slavyanskiy kharakter»: Russkie publitsisty, literaturnye kritiki i puteshestvenniki pervoy poloviny XIX veka v poiskakh «narodnosti» [«Slavic character»: Russian writers of political essays, literary critics and travelers in the first half of the 19th century in search of «narodnost'»], in *Dialog so vremenem*. 2012. № 39. P. 124–147 (in Russian).
- Belov, Mikhail Valeryevich. «Slavyanskaya vzaimnost'»: Transfer i pereizobretenie [«Slavic reciprocity»: Transfer and reinvention], in Lipkin M. A. (ed.). *Vsemirnaya istoriya i novye vyzovy istoricheskoy nauki: Natsional'nye, transnatsional'nye i internatsional'nye podkhody* [World history and new challenges of historical science: National, transnational and international approaches]. Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences Press, 2016. P. 11–15 (in Russian).
- Belov, Mikhail Valeryevich. «Molodye slavyanofily» na puti k «slavyanskomu bratstvu»: Balkanskiye puteshestviya 1840-kh gg. [«Young Slavophiles» on the way to the «Slavic brotherhood»: Balkan travels in 1840s], in *Slavyanovedenie*. 2017. № 2. P. 96–112 (in Russian).
- Gerder, Iogann Gotfrid. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas to the philosophy of history of humankind]. Ed. by A. V. Gulyga. Moscow: Nauka Publ., 1977. 703 p. (in Russian).
- Dmitrieva, Elena Evgen'evna. Teoriya kul'turnogo transfera i komparativnyy metod v gumanitarnykh issledovaniyakh: Oppozitsiya ili preemstvennost'? [The theory of cultural transfer and the comparative method in the Humanities: Opposition or continuity?], in *Voprosy literatury*. 2011. № 4. P. 302–313 (URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/4/dm16.html>) (in Russian).
- Dostal', Marina Yuryevna. Yan Kollar i rannye slavyanofily (40–50-e gg. XIX v.) [Jan Kollar and the early Slavophiles (40–50s of the 19th century)], in *Yan Kollar — poet, patriot, gumanist. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya*. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies of the Russian Academy of Sciences Press, 1993. P. 98–110 (in Russian).
- Hutchinson, John. *Nations as the Zones of Conflict*. London: SAGE Publ., 2005. 224 p.
- Imperium inter pares. Rol' transferov v istorii Rossiyskoy imperii (1700–1917)* [Imperium inter pares. The role of transfers in the history of the Russian Empire (1700–1917): Collection of articles]. Ed. by M. Aust, R. Vul'pius, A. Miller. Moscow: New Literary Review Publ., 2010. 392 p. (in Russian).
- Ionov, Igor' Nikolaevich. *Mirovaya istoriya v global'nyy vek: Novoe istoricheskoe soznanie* [World history in the global age: New historical consciousness]. Moscow: Aquilon Publ., 2015. 464 p. (in Russian).
- Kazanova, Paskal. *Mirovaya respublika literatury* [The World Republic of Literature]. Moscow: Sabashnikovs Publ., 2003 [1999]. 416 p. (in Russian).
- Kollar, Yan. O literaturnoy vzaimnosti mezhdru plemenami i narechiyami slavyanskimi [On the literary reciprocity between the tribes and dialects of Slavs], in *Otechestvennye zapiski*. 1840. Vol. VIII. Part II. P. 1–24, 65–94 (in Russian).
- Leskinen, Mariya Voytovna. Velikoross / velikorus. Iz istorii konstruirovaniya etnichnosti. Vek XIX [Great Russians / Velikoruss. From the history of ethnicity construction. The 19th century]. Moscow: Indrik Publ., 2016. 680 p. (in Russian).
- Lobacheva, Dina Viktorovna. Kul'turnyy transfer: Opredelenie, struktura, rol' v sisteme literaturnykh vzaimodeystviy [Cultural transfer: Definition, structure and function in literary interactions], in *Vestnik of Tomsk State Pedagogical University*. 2010. № 8. P. 23–27 (in Russian).
- Lotman, Yuriy Mikhaylovich. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya* [Inside the conceiving worlds. Man — text — universe of the mind — history]. Moscow: Languages of Russian culture Publ., 1999 [1990]. 464 p. (in Russian).
- Matula, Vladimir. Kontseptsiya slavyanskogo edinstva i slavyanskoy vzaimnosti v slovatskom natsional'no-osvoboditel'nom dvizhenii [The concept of Slavic unity and Slavic reciprocity in the Slovak national movement], in Lapteva L. P. (ed.). *Balkanskiye issledovaniya. Vyp. 16. Rossiyskoe obshchestvo i zarubezhnye slavyane. XVIII – nachalo XX veka*. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies of the Russian Academy of Sciences Press, 1992. P. 13–24 (in Russian).
- Matula, Vladimir. «Slavyanstvo i mir budushchego» Lyudevita Shtura (Novye rezul'taty issledovaniy o voznknovenii, sud'be i otsenke traktata) [«Slavs and the future world» Ljudevit Stuhr's (New results of the

- study of the occurrence, destiny and assessment of the treatise)], in *Professor Sergey Aleksandrovich Nikitin i ego istoricheskaya shkola. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow: Archeodoxia Publ., 2004. P. 177–200 (in Russian).
- Moretti, Franko. *Dal'nee chtenie [Distant Reading]*. Moscow: Gaidar Institute Press, 2016 [2013]. 352 p. (in Russian).
- Myl'nikov, Aleksandr Sergeevich. *Epokha Prosveshcheniya v Cheshskikh zemlyakh. Ideologiya, natsional'noe samosoznanie, kul'tura [The age of Enlightenment in the Czech lands. Ideology, national self-consciousness, culture]*. Moscow: Nauka Publ., 1977. 200 p. (in Russian).
- Myl'nikov, Aleksandr Sergeevich. *Narody Tsentral'noy Evropy. Formirovanie natsional'nogo samosoznaniya XVIII–XIX vekov [The Peoples of Central Europe. The formation of national self-consciousness in the 18th–19th centuries]*. St. Petersburg: Petropolis Publ., 1997. 176 p. (in Russian).
- Osvoboditel'nye dvizheniya narodov Avstriyskoy imperii. Voznikovenie i razvitiye. Konets XVIII v. – 1849 g. [National movements in the Austrian Empire. The emergence and development. The end of the 18th century – 1849]*. Ed. by V. I. Freydzon. Moscow: Nauka Publ., 1980. 610 p. (in Russian).
- Pavlenko, Ol'ga Vladimirovna. Panslavizm [Pan-Slavism], in *Slavyanovedenie*. 1998. № 6. P. 43–61 (in Russian).
- Robinson, Andrey Nikolaevich. *Istoriografiya slavyanskogo vrozozhdeniya i Paisiy Khilendarskiy. Voprosy literaturno-istoricheskoy tipologii. (V mezhdunarodnyy s'ezd slavistov (Sofiya, sentyabr' 1963): Doklady sovetsoy delegatsii) [Historiography of the Slavic revival and Paisiy Hilendarski. Questions of literary-historical typology. (V international Congress of Slavists (Sofia, September, 1963): Reports of the Soviet delegation)]*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1963. 143 p. (in Russian).
- Rokina, Galina Viktorovna. *Jan Kollar i Rossiya [Jan Kollar and Russia]*. Yoshkar-Ola: Mordovian State Pedagogical Institute Press, 1998. 206 p. (in Russian).
- Slavyanskije matitsy XIX veka: V 2 ch. [Slavic Matica in the 19th century: In 2 vols]*. Ed. by I. I. Leshchilovskaya. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies of the Russian Academy of Sciences Press, 1996. Vol. 1. 234 p.; Vol. 2. 197 p. (in Russian).
- Sobestianskiy, Ivan Mikhaylovich. *Ucheniya o natsional'nykh osobennostyakh kharaktera i yuridicheskogo byta u drevnikh slavyan. Istoriko-kriticheskoe issledovanie [Teaching about the specificity of national character and legal practice of the ancient Slavs. Historical and critical study]*. Kharkov: A. N. Gusev's Print., 1892. 336 p. (in Russian).
- Werner, Michael; Zimmermann, Bénédicte. Beyond Comparison: Histoire croisée and the Challenge of Reflexivity, in *History and Theory*. 2006. Vol. 45. P. 30–50.